

Зара АБДУЛЛАЕВА

Артисты все разные. Виктор Гвоздицкий – отдельный. Раздражающее, серьезное положение. Нескучная, коварная позиция. Гвоздицкому на режиссеров везло, но еще больше ему повезло вообще на людей. Не придурочная интеллигентность, нерв, внебытовой лиризм позволяют этому носатому, ушатому артисту с лицом поэта и коммивояжера играть совсем разные роли. Хотя он “записан” в формалисты, эстеты, выразители декадентской эпохи. Между тем настоящий интеллигент Олег Ефремов запросто увидел существо его актерской личности, вытащил из-под глыб порочного обаяния и техничных стилизаторских маневров. Ефремов почувствовал в Гвоздицком ясность, светлость. Что не только не противоречит прокаленному трагизмом дарованию, но и лишает декоративности, избавляет от приятного – особенно в унылой, но легко возбудимой театральной среде – каботинажа.

Поэтому и получился такой Тузенбах. Праздничный, радостный, любимый, обреченный, “как дорогой рояль”, ключ от которого, всем известно, потерян. Или упрятан подальше. Казалось, что сыграть Гвоздицкий должен Соленого, а еще лучше – Чебутыкина. С надрывом или без.

Виктор Васильевич иногда угрожает со сцены манерностью, но неизменно спохватывается и выпрямляется. С тонкой провокацией не дают сорваться не Пьеро-Арлекин (в фас и профиль), не только парадоксалист с мерцательной обобщенностью образа, расшитой бисером, – искусством детали, но трудное сочетание иного свойства.

Гвоздицкий идеальный артист театра Больших (парижских) бульваров, а не московского бульварного кольца. И прирожденный комедиант, – при том Островский, по-моему, важнее для его артистизма, чем Гоголь. Потому что роли, написанные Николаем Васильевичем, его верняк, ведь он – мастер inferнального гротеска. Гвоздицкий – не вполне романтический герой, несмотря на иррациональное зерно, идеализм, темноты, темперамент.

Весь этот обременительный диапазон, оснащенный неожиданным существованием на сцене, – свидетельство того, что Гвоздицкий всегда современен. Мне лично жаль, что такой культурный артист, к счастью, покинувший завлекающие петербургские проспекты-подъезды, не играет наших современников. А такие роли – при его шегольстве, “неактуальности”, сосредоточенности, родимом пятне Михаила Чехова, игривости последней фитюльки, при сложности-легкости, увековеченной ануиевским Орнифлем (чудесной роли и для Юрия Любимова), – были бы ой-ой-ой.

Хотя как будто будничная работа в фильме “Москва” В. Сорокина – А. Зельдовича проспиритована Гвоздицким холодным блеском, сыграна чувственно – по-мужски – и с циничным изяществом.

Гвоздицкий артист экзотический только в сюр (то есть сверх) реальных предлагаемых обстоятельствах. А вообще-то, в живой жизни-театре, он хоть куда. Поэтому, глядя на него даже в не очень удачных спектаклях, начитанные зрители вспоминают артистов Мейерхольтца, Таирова, Акимова. А остальные ценители не забывают Гвоздицкого в спектаклях Николая Шейко, Камы Гинкаса, Михаила Левитина, Петра Фоменко и Олега Ефремова.

Валерий Фокин

Виктор Гвоздицкий не просто хороший актер, способный решать те или иные художественные задачи. В процессе работы с ним над спектаклем об Антонене Арто я убедился, что мы имеем дело с актером-явлением, владеющим одинаково совершенно и внутренней, и внешней техникой. “Проживание” психологии Арто, парадоксы и тончайшие нюансы – стихия Гвоздицкого, воздух, которым он дышит. Недаром он был любимым артистом О. Н. Ефремова. Вместе с тем ему подвластна острая эксцентрика, изощренный пластический рисунок, неожиданный, но всегда замотивированный жест. Для него форма – не заданность, не ограничение или директива, а единственный способ реализации роли. У Гвоздицкого редкий дар – быть умным и в жизни, и на сцене, сохраняя при этом живую веру, непосредственность, даже наивность. Он очень много знает, много читает, прекрасно пишет – великолена серия его актерских портретов своих учителей и коллег; он замечательно чуткий товарищ, прирожденный ансамблист, заботливый и внимательный участник общего дела, строительства спектакля.

Виктор Гвоздицкий рыцарски относится к своей профессии, ощущает ее как миссию, как единственное дело своей жизни.

Вячеслав Невинный

Виктор Гвоздицкий – ученик не нашей школы. Обычно я к действующим лицам подобного рода отношусь внимательно, ревностно и очень осторожно, потому что я представляю собой приверженца школы Художественного театра, хранителя его традиций. Гвоздицкий вошел в наш театр неожиданно, и сразу привлек к себе внимание. Я сразу оказался его партнером, и мне надо было выстраивать с ним какие-то отношения. Это всегда трудно с актерами, которые говорят не на твоём языке, но в случае с Гвоздицким это было иначе. Дело в том, что он артист провинциальный, так же, как и я. С моей точки зрения это замечательно, потому что провинциальный артист ближе к такому обтрепанному нынче слову, как профессия. Мне с Гвоздицким сразу стало легко, хотя то, что он делает, совершенно на нас непохоже. Иногда в нашем театре так бывает, что артистам говорят: “ну что, мол, вы делаете, ведь Константин Сергеевич не так говорил!”. Это чепуха все. На самом деле, Гвоздицкий делает на сцене очень профессиональные вещи своим способом. Это всегда приемлемо, интересно, иногда спорно, но он не упорен в своих предложениях, пробует много. Это и называется талантом, а какую школу он заканчивал – неважно.

В мхатовской школе к профессионализму обязательно плюсоются человеческие данные. По-моему, Гвоздицкий – интеллигентный человек, очень много знающий, давно служащий в Театре. Он акимовец. В нем есть определенная заразительность в отношении партнера и в отношении зрительного зала. Не случайно он получает такие разные и крупные роли, как Арбенин и Сирано, Тузенбах и Подколесин. И, наконец, самое главное – он серьезен. Он не позволяет себе фиглярствовать. Я желаю ему здоровья и счастливой дальнейшей жизни в профессии.

Актер-явление

Жизнь Виктора Гвоздицкого замкнута в театре, увидеть его можно лишь на сцене, он практически не дает интервью, на «тусовках» не бывает вовсе. Никогда никаких сплетен вокруг его имени. Фамилия Гвоздицкий фигурирует лишь в связи с театральными премьерями. В кино было только три фильма, все сняты по хорошей литературе и в каждом у Гвоздицкого – главная роль.

Он артист сугубо театральный. Еще и поэтому – «не в ряду». Пожалуй, только судьба Ольги Яковлевой в этом смысле перекликается с судьбой Виктора Гвоздицкого. Театральные звезды. Но те, кто театр любит по-настоящему, на премьеры с участием этих артистов стремятся с особым интересом.

Кажется, в жизни В. Гвоздицкого не было «проходных» ролей: каждая огранена как драгоценный камень дарованием артиста, его уникальными умениями, отношением к Театру – физической неспособностью халтурить на сцене. Он ведь в театре не работает – служит. Последние годы во МХАТе имени Чехова.

А еще Виктор Гвоздицкий пишет о Театре, о тех, с кем вместе служит. Пишет изысканным слогом, пристально вглядываясь в своих героев, отмечая тот «мак мелочей» (его выражение), из которого состоит жизнь сцены и закулисья. Эти мелочи редко фиксируют в своих мемуарах актеры, предпочитая писать о себе – не о других, и часто пропускают театральные критики – по неведению. А разбирать их, верно, будет увлекательнейшим занятием для будущих историков театра.

В связи с 50-летним юбилеем артиста, столь внимательного к профессиональной жизни своих коллег, захотелось спросить и о нем самом тех, кто с ним работал и работает.

Наталья Тенякова

Виктор Гвоздицкий самый артистичный артист, которого я знаю. Прежде всего из-за того, как он репетирует: впитывая все, что говорит режиссер, он никогда особо не возражает, не спорит, ни на чем не настаивает. Но я точно знаю, что он все равно делает свое, и никакой режиссер ему... не помеха. Ему ничего нельзя навязать! Ему же даже не нужно скандалить. Другие спорят, доказывают что-то, но предложить ничего своего не могут, а Витя очень вежливо (он вообще феноменально воспитан для нашей актерской среды) предлагает, убеждает и всегда делает свое – и это всегда очень умно и занятно.

Кроме того, я абсолютно не в состоянии определить его амплуа: он одинаково убедителен в безумно смешных комических ролях и в ролях трагических, но везде остается собой. Конечно, он артист парадоксальных решений. Все, что он делает, – всегда неожиданно. Витя обладает каким-то изумительным, только ему присущим чувством слова, стиля, манерой проведения роли. Очень нескучный артист.

Как партнер он очень хорош, репетировать

с ним одно наслаждение, но во время спектакля нужно держать ушко на макушке, потому что он великий импровизатор. Я сколько лет уже слушаю его первую сцену в “Женитьбе” (пока за кулисами жду своего выхода); и он ни разу не сыграл эту сцену дважды одинаково. То есть, конечно, он держит рисунок, никогда не подведет партнера, но природа его так богата, что он может на одном и том же диване делать совершенно разные вещи, укладываясь в один и тот же текст и в одно и то же время!

По-человечески он мне очень близок: может быть, из-за Петербурга, который был и в его, и в моей жизни, но я в нем чувствую родную душу. Общение с ним – это наслаждение. Он очень много знает, тонко чувствует человеческую природу и очень любит людей, изначально любит. Такого человека иметь другом – большое счастье.

Слава Богу, он не может играть бандитов, киллеров и новых русских – вот это Гвоздицкому не под силу, потому что поверить в такое его превращение невозможно.

Дай Бог ему новых ролей, – не просто новых, но интересных ролей!

Экран и сцена –

Гвоздицкий Виктор

1938-1991